

Сердце Сяо Жофэя всё ещё бешено колотилось:

— Эта сцена, этот сценарий... я правда... я не хотел играть на твоей истории, но...

Гу Чуньлай улыбнулся:

— Я сказал, что это не важно, не переживай.

Сяо Жофэй, словно не слыша его, продолжил:

— Раньше я говорил, что ты идеально подходишь для этой роли, потому что ты зрелый, сдержанный, играешь точно и умеешь контролировать персонажа.

— Правда? Спасибо.

Для Гу Чуньлая это было высшей похвалой.

Сяо Жофэй кивнул.

— Ещё одна причина, на самом деле...

Он немного помедлил, прежде чем продолжить:

— Когда я писал сценарий, мне несколько раз снился Чжоу Сяоча, но с твоим лицом. Позже, некоторые черты характера, возможно, я... немного позаимствовал у тебя. Но я не хотел причинить тебе боль, у меня не было такого намерения.

Гу Чуньлай выглядел поражённым.

— Ты думал обо мне, когда писал сценарий? Обо мне? Случайно думал обо мне?

Сяо Жофэй не ответил прямо.

Гу Чуньлай, едва сдерживая эмоции, повторял «спасибо», обнимая Сяо Жофэя за шею.

Сердце Сяо Жофэя словно растворилось в лимонном уксусе.

К чёрту все эти правила.

Они были в трейлере, в закрытом пространстве, которое Сяо Жофэй проверял сотни раз — ни жучков, ни камер. Он задернул шторы, прижал лоб Гу Чуньлая, покрытый холодным потом, и, глядя ему в глаза, сказал:

— Играй без страха. Я здесь, я не дам тебе разбиться.

Гу Чуньлай наконец расслабился:

— Я не фарфоровая кукла, всё в порядке.

Но Сяо Жофэй не мог избавиться от тревоги.

— Но... ты всё равно пострадаешь.

Он прижался к груди Гу Чуньлая, медленно произнося эти слова.

Гу Чуньлай с благодарностью прижал руку Сяо Жофэй, сплетая пальцы с его:

— Актёр — это меч, его нужно точить, закалять, иначе он затупится. Но если переусердствовать, он сломается. Кто-то однажды сказал это.

Сяо Жофэй удивлённо спросил:

— Разве это не так?

— Так, но это не страшно. Это часть меня. Даже если я разобьюсь, я знаю, как собрать себя заново.

Гу Чуньлай откинул волосы за ухо, открыв свои ясные глаза.

— С тобой рядом я не боюсь.

Сяо Жофэй вспомнил, как осенью на первом курсе, когда началось отопление, в их общежитии случилась поломка, и на теневой стороне здания батареи едва нагревались. Четыре человека из комнаты 525 страдали от холода, не могли ни сидеть, ни стоять, и были вынуждены наполнять грелки горячей водой, залезать под одеяла и бежать в соседнюю комнату 520, где было тепло, чтобы вместе делать домашние задания. На первом курсе было два обязательных предмета — история китайского кино и основы анализа фильмов, которые посещали и актёры, и режиссёры. В аудитории собирались сотни студентов, и, независимо от температуры, все быстро засыпали. Преподаватель, понимая это, словно хлестал их кнутом, требуя внимания и задавая горы работы.

И всё же однажды, во время просмотра фильма в комнате 520, Сяо Жофэй услышал, как Гу Чуньлай тихо сказал Бай Яньнаню, что утром ему нужно уйти, и если он не успеет вернуться к первой паре, то попросил его отметить его присутствие, а вечером угостит ужином.

Сяо Жофэй не поверил своим ушам. Гу Чуньлай, всегда послушный и сидящий на первой парте с отличником Бай Яньнанем, вдруг решил нарушить правила и уйти из общежития после комендантского часа, да ещё и пропустить занятия.

Это было серьёзное нарушение.

Сяо Жофэй, словно нашёл слабое место, вдруг оживился.

Во время военной подготовки он уже однажды проиграл Гу Чуньлаю, и, хотя после этого они мирно сосуществовали, тот иногда отпускал странные шутки и даже отправлял ему страшные истории после отбоя, заставляя его вскакивать с кровати и биться головой о потолок, чем вызывал недовольство соседей.

Эту обиду Сяо Жофэй помнил долго, и теперь наконец появился шанс отомстить.

В тот день он специально поставил будильник на 3:30 утра, тихо собрался и, прижав ухо к двери, как только услышал движение в коридоре, надел шапку, очки и шарф, притворившись опытным детективом, последовал за Гу Чуньлаем.

Гу Чуньлай шёл быстро, не оглядываясь, с пакетами в руках.

Этот путь Сяо Жофэй знал — он вёл к автобусной станции, но он никогда не ходил по улицам Цзинчэна в такое время. Оказалось, что ночью на улицах было много людей — как тех, кто

возвращался домой, так и тех, кто уже проснулся. Он чувствовал себя рыбой, плывущей по течению, не понимая, что делает. Он следовал за Гу Чуньлаем, пока тот не остановился у остановки автобуса «Т47».

Сяо Жофэй никогда не ездил на автобусах с буквой «Т» и, заинтересовавшись, подошёл к расписанию. Автобус выезжал за город, проезжал через туристическую зону и через час с небольшим прибывал на конечную остановку.

Кладбище Лунсян.

Он вдруг вспомнил, как в ту лунную ночь во время военной подготовки Гу Чуньлай упомянул о своей семье; вспомнил, как Бай Яньнань рассказывал, что куратор группы актёров говорил людям из комнаты 520, что у Гу Чуньлая особые обстоятельства, и иногда ему делали поблажки. Он посмотрел на календарь и понял, что сегодня был первый день десятого лунного месяца — День поминовения усопших.

Сяо Жофэй вдруг почувствовал себя глупо и хотел незаметно уйти, но, обернувшись, увидел, что взгляд Гу Чуньлая был направлен прямо на него.

Теперь ему было не скрыться, даже если бы в его имени было слово «летать».

Он с трудом подошёл и поздоровался. Гу Чуньлай, немного подумав, кивнул, но молчал. Сяо Жофэй разглядел, что в пакетах были ритуальные деньги, яблоки, банка пива и пельмени из столовой. Накануне вечером, когда Гу Чуньлай покупал что-то в магазине, он выбрал большие красные яблоки, и Сяо Жофэй даже угостился одним.

Теперь он жалел об этом.

— Часть подношений оставляют для них, а другую часть съедают живые, — вдруг сказал Гу Чуньлай, — чтобы живые были счастливы и жили долго.

Сяо Жофэй не сразу понял, но, заинтересовавшись, подошёл ближе.

— Вчерашнее яблоко, которое ты съел, было для твоего благополучия, оно не привлечёт духов, — спокойно сказал Гу Чуньлай.

— Нет-нет, — Сяо Жофэй понял, что его неправильно понял, — мне просто неудобно, что я взял их яблоко.

— Ничего страшного, — ответил Гу Чуньлай, — я всё равно собирался поделиться яблоками с вами. Это свежие «Гуогуан», очень вкусные.

Сяо Жофэй опустил голову, как ребёнок, разбивший вазу. Он осторожно спросил:

— А если я уже съел одно, хватит ли?

— Хватит, двух достаточно.

С этими словами Гу Чуньлай достал яблоко, откусил и передал его Сяо Жофэю. Сок и аромат фрукта смешались с пыльным воздухом, а красные кончики пальцев Гу Чуньлая ярко выделялись в его поле зрения.

Сяо Жофэй забыл, как отказываться, и, действуя на автомате, взял яблоко, следы зубов Гу Чуньлая всё ещё виднелись на нём. Он откусил большой кусок. Яблоко было сладким, и,

сколько бы он ни жевал, аромат фрукта не исчезал. Он продолжал откусывать, пока его рот не наполнился до предела, и только тогда проглотил всё.

Но вкус, оставшийся во рту, был горьким.

Теперь, вспоминая это, Сяо Жофэй понял, что Гу Чуньлай всегда был таким — спокойным и сдержанным. Он почти никогда не говорил о своей семье, а если и говорил, то лишь вскользь, словно обсуждая вчерашнюю погоду или планы на ужин. То, что для обычных людей было тяжёлым грузом — рождение, старость, болезни и смерть, — для него было так же естественно, как еда и питьё.

Но Сяо Жофэй догадывался, что Гу Чуньлай никогда не забывал.

Даже если он старался казаться спокойным и смиренным, даже если он привык, даже если его актёрское мастерство было настолько велико, что он мог обмануть всех, включая себя, Сяо Жофэй понимал, что Гу Чуньлай просто молчал.

Молчание позволяло ему не думать, не упоминание — делать вид, что этого не существует. Даже если рана кровоточила, привыкнув к ней, можно было продолжать идти, не касаясь её, и терпеть.

Но рана оставалась, кровь текла, и в любой момент всё могло стать хуже, оставив шрам или даже угрожая жизни.

<http://bllate.org/book/15563/1415778>